

УДК 001.891.32

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-17-29

ЛОСЕВ: ЛОГИКА И/ИЛИ ДИАЛЕКТИКА. ПРЕРЫВИСТОСТЬ ЧИСЛОВЫХ МНОЖЕСТВ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ: ЛОСЕВ, ЛУЗИН, ФЛОРЕНСКИЙ

Колесниченко Ю. В.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Поводом для написания настоящей статьи явились недавние публикации сочинений А. Ф. Лосева о классификации различных типов формально-логического знания и их творческий комментарий В. П. Троицкого. Ставится задача определить значимость и место вышеупомянутого текста Лосева в истории логических исследований.

Процедура и методы. Процедура исследования историко-философского феномена – логических исследований в СССР в период 1920–1940-х гг. – проводится нами при помощи следующих научных методов: исторического, герменевтического, номотетического, идеографического, синхронического, диахронического, а также метода сравнительного анализа.

Результаты. Результатом исследования явилось более чёткое, более детализированное определение феномена логических исследований периода 1920–1940-х гг. в общей картине истории философии СССР.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа представляет собой одно из первых исследований становления логической мысли в СССР в указанный исторический период. В рамках исследования проблематизируются неизученные до настоящего времени аспекты логического знания и предлагаются особые пути их актуализации в настоящее время.

Ключевые слова: диалектика, квантованность, личность, логика формальная, Лосев, московская математическая школа Лузина, процессуальность, Флоренский

LOSEV: LOGIC AND/OR DIALECTICS. DISCONTINUITY OF NUMERICAL SETS AS A FORM OF EXPRESSION OF PERSONAL BEING: LOSEV, LUZIN, FLORENSKY

Yu. Kolesnichenko*Federal State University of Education**ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. This article was brought into being by the attempt to analyze the recent publication of A. F. Losev's works on the classification of various types of formal logical knowledge and their creative commentary of V. P. Troitsky. The task is to determine the significance of the Losev's logical thought and the place of the above-mentioned Losev's text in the history of the overall logical research.

Methodology. The procedure for the study of the historical and philosophical phenomenon – logical research in the USSR in the 1920–1940s – is based on the following scientific methods: historical, hermeneutic, nomothetic, ideographic, synchronic, diachronic, as well as the method of comparative analysis.

Results. The result of the study was a clearer, more detailed definition of the phenomenon of logical research in the period the 1920–1940s in the overall picture of the history of philosophy of the USSR.

Research implications. This work is one of the first studies of the formation of logical thought in the USSR during the designated historical period. Within the framework of the study, different aspects of logical knowledge that have not been studied to date are problematized and special ways of their nowadays actualization are proposed.

Keywords: dialectics, quantization, personality, formal logic, Losev, Moscow mathematical school of Luzin, processuality, Florensky

Введение

Как было отмечено нами в аннотации, поводом для написания настоящей статьи явились недавние публикации сочинений А. Ф. Loseva [15] и их творческий комментарий В. П. Троицкого [22]. Статья Loseva 1940-х гг., предлагающая авторскую – проблематизированную – классификацию различных *подтипов* формально-логической рациональности (в *затекстно* [23] подразумеваемом их противопоставлении диалектике как методу иного типа), была недавно найдена в архивах учёного и до настоящего времени не подвергалась детальному исследованию современной академической историко-философской мыслью.

Предлагаемая работа ставит, таким образом, своей целью пролить свет на главный аспект, главную «интригу» losevской статьи, а именно на *внутреннее противоречие* диалектического и формально-логического направлений мысли, проявившееся в процессе реализации единого академического партийного задания – написания учебников и учебных курсов по формальной логике в 1940-х гг. – в период исключительного политического давления на философскую мысль в её содержательной формально-логической части.

В связи с не вполне ясным поводом для написания упомянутого в аннотации фрагмента статьи А. Ф. Loseva (в комментариях В. П. Троицкого этот момент отмечен) встаёт вопрос, с какими целями автор собственно создавал эту проблематизированную категоризацию-размышление, классификацию-исследование, предлагавшую *тоном* и главными интенциями своего содержания критическое осмысление вопроса о вариантах и *стилях* формально-логического знания (хотя сам термин «стиль» в данной статье автор напрямую не употре-

бляет)? Помимо этого аспекта, совершенно отчётливо в статье прослеживается и иной проблемный пласт – соотношение формально-логического *способа* познания (называемого в ту пору «логистикой», или «старой логикой»¹, и диалектики.

Незаконченная статья А. Ф. Loseva об основных методах логики

Хронологически статья А. Ф. Loseva относится к периоду *неожиданного* всплеска интереса советской философии (инициированного лично И. В. Сталиным) к формальной логике в период 1939–1953-х гг., когда вождь осознал необходимость возврата этой дисциплины в школы и университеты в связи с необходимостью, как виделось ему, обеспечения гигиены мысли населения [1; 13].

Практически *ликвидированная* высшей школой формальная логика, ассоциировавшаяся после революции 1917 г. с метафизикой и буржуазной наукой, была *заменена* диалектикой как новой (и «единственно правильной») формой познания действительности. Указания Сталина высшей школе (просьба подготовить учебники логики для школ и вузов) вызвали смещение в рядах учёных – академических философов, диалектиков по призванию и по уже сложившимся убеждениям. Вероятно, статья, о которой мы сейчас говорим, родилась в стенах МГУ в 1942–1944-х гг., когда А. Ф. Losev, сотрудник кафедры, должен был представить своё понимание формальной логики в её соотношении с уже ставшей *общим местом* советской философии *логикой диалектической*.

¹ Ищенко Т. Логика // Краткий философский словарь. М.; Л.: ОГИЗ Московский рабочий, 1931. С. 100–102.

Как всегда апофатически (излюбленный авторский приём «меонального отграничения») Лосев подаёт предмет логического путём демонстрации того, чем предмет, им исследуемый, *не является*. Надолго останавливается автор на теме формальной логики и её значения для философии и философствования. Алексей Федорович, в частности, пишет следующее: «Беря наиболее типичное и отбрасывая излишние исторические и теоретические детали, можно находить *пять основных методов* логики:

1. Формальная логика.
2. Феноменологическая логика.
3. Генетически-смысловая, или инфинитезимальная (или трансцендентальная) логика.
5. Математическая логика.
6. Диалектическая логика.

... причём к диалектическому методу мы только подойдём, и, как более известные и популярные у нас, не будем рассматривать специально. В этой связи, то есть как метод именно логики, он заслуживает отдельного рассмотрения» [15, с. 159].

Лосев приходит к однозначному выводу о том, что локальное применение формальной логики (на отдельном, а именно статичном сегменте бытия) вполне оправдано и эвристично. Во всех остальных направлениях философского познания тотальное применение формально-логических законов может принести лишь вред как самому процессу, так и результату исследовательского поиска.

Лосев ставит своей задачей подвести слушателя¹ к необходимости узреть сквозь призму классификации видов логического знания философско-методологическую *необходимость диалектического в логическом* для истинного познания бытия.

Логическое у Лосева – это различные схемы рационализации знания. Под логическим Лосев понимает и неокантианский подход к знанию, отмечая революционность этого подхода в отходе от гносеологической *статистики*, в наметившемся сдвиге познания

в сторону введения категории движения в сам процесс познания. Он говорит в том же ключе (и даже в том же тоне) о феноменологии Гуссерля. Он отдаёт должное инфинитезимальному методологическому подходу к вопросам формального познания бытия (основываясь на математических моделях, приводимых им в качестве иллюстрации).

Переменяя философско-логические тезисы примерами из математики (например, из теории множеств), Алексей Федорович пытается утвердить свою мысль в главном – в необходимости *преодоления* формальной логики как *логической тотальности*. Всячески критикуя непомерные претензии формальной логики (понимаемой как логика силлогистическая), Лосев стремится показать ограничение её применимости, когда дело касается непротиворечивого отражения сути процесса (мышления, времени), то есть «живой процессуальности» [15, с. 65]. Формально-логическая – «неподвижная» (в терминах автора) – логика понятий является для Лосева «не-мыслительной» [15, с. 65], что красноречиво говорит о том, что Лосев понимает мышление однозначно как процесс и стремится подобрать для адекватного отражения его сути *особые логические конструкции*, а точнее – особую логику. Действует он по своей отработанной апофатической схеме, подчёркивая необходимость освободить «не-время» и «не-мышление» формальной логики от этой изничтожающей саму суть приставки «не».

Полагая «пока только бытие» статичным и подпадающим под объяснительную метасхему формальной логики, Лосев считает, в том числе, что и закон тождества, противоположности, противоречия относится к «сфере отвлечённого смысла», а потому не в состоянии отражать смысл «непосредственный, живой, текучий, живой поток мысли» [15, с. 65]. Важно, что Лосев подчёркивает именно *взаимную изолированность категорий* [15, с. 65] в этом типе логики, тогда как для непротиворечивой и истинной подачи правды о живом мышлении как о процессе необходимо, *затекстно* следуя лосевской апофатической мысли, применить логический (объяснительный) приём иного типа

¹ Стилистика лосевского текста – особый формат подачи материала – наводит на мысль о том, что это мог быть план особого авторского спецкурса по диалектической логике.

логического, а именно тот, который не допускает в себе этой взаимной изолированности категорий и допускает иное понимание законов тождества, противоречия и противоположности.

Несмотря на заявленное отсутствие специального разбора специфики диалектической логики, Лосев, тем не менее, использует здесь диалектический подход к анализу различного рода феноменов и явлений, дабы подчеркнуть принципиальность различения явлений в статике и в динамике, в движении, в процессе. Л. А. Гоготишвили верно, как нам представляется, отмечает в своей книге «Непрямое говорение», что о «принципиальном водоразделе» между логикой и диалектикой «говорится во всех без исключения лосевских текстах» [6, с. 403]. Гоготишвили вносит в вопрос трактовки соотношения вышеуказанной проблемы одно существенное уточнение. Она, по сути, противопоставляя, в «лосевском случае», логику вообще диалектике вообще, подчёркивает, что для Лосева главным философским *способом* познания бытия являлась именно диалектика как способ, а не логика (как *способ* же). Об этом важнейшем моменте различения способов познания в книге 1927 г. «Диалектические основы математики», в параграфе 79 «Перевод математики на язык логики» А. Ф. Лосев пишет, что «в настоящее время вполне возможно считать диалектику настолько зрелой и конкретизированной *дисциплиной*, что она вполне может (и даже обязана) войти в детали числовых конструкций, не ограничиваясь общими рассуждениями только о самом *понятии* числа (курсив наш. – Ю. К.)» [14, с. 310]. Логика закономерно работает с понятиями, диалектика – с эйдосами, с концептами и т. п., или, лосевски, *с не-понятиями*.

Применительно к строению эйдоса, логика, таким образом, лежит в основе созерцательно-статического, диалектика же – в основании *диалектического* его моментов. Логика есть «моментальный снимок» субъекта во вне внутренней структуры своей коммуникативности, логос фиксирует момент как *отдельность* в её цельно-

сти, отвлекаясь от динамики. Диалектика же отвечает за коммуникативный акт, в основе которого лежит иная смысловая активность сознания. Лосев в «Философии имени» полагает, что «*коммуникативный акт отличен от простого акта полагания предмета*» [6, с. 404]. Таким образом, сфера диалектики – не аналитические, но синтетические и антиномические, закономерно «предикативные», в терминологии Гоготишвили, «смысловые коды» [6, с. 404]. Получается, что диалектика есть основа эйдетики как таковой, поскольку допускает вне-силлогистическое сосуществование противоречий не как антиномий, но как амбивалентности и антитетичности.

В предвещающей лосевскую фрагментарную статью заметке В. П. Троицкого в том числе говорится о том, что Алексеем Федоровичем в его работе «довольно неожиданно характеризуется математическая логика», «в которой, при всей гипертрофии в ней “формально-логического метода”, А. Ф. Лосев ищет и находит “обще-диалектические” моменты, столь необходимые, например, для преодоления парадоксов теории множеств» [22, с. 57]. Постараемся, по возможности, наметить пути к осознанию степени неожиданности лосевской характеристики математической логики именно как обще-диалектической.

Представляется, что Лосев в статье не случайно излагает своё понимание математической логики *сразу после* рассмотрения им метода ифинитизимального, или метода исчисления бесконечно-малых, понимаемых квантованно через понятия «частица» и «процесс». Вообще, изложение методов логики у Лосева в данной работе находится в прямой зависимости от *нарастания степени процессуальности и диалектичности* того или иного логического инварианта. Математический метод стоит у Лосева в строгой иерархии методов сразу после описания ифинитизимализма как «*сплошного потока становления*» [15, с. 78], как текущей сущности (по определению Ленина).

Чрезвычайно важно, на наш взгляд, попытаться уяснить особенность понимания Лосевым сущности логического понятия,

демонстрируемого автором статьи. Он недвусмысленно *отождествляет понятие с его смыслом*, утверждая, что «логика оперирует не с самими вещами, но с понятиями, то есть с их смыслами, а с другой стороны, все вещи текут, и их смысл, если он действительно должен быть смыслом вещей, тоже должен пребывать в текущем становлении» [15, с. 78]. Поначалу ставя в синонимическую пару понятие и смысл, а после убирая из утверждения термин «понятие» как термин *предельно* формальнологический, Лосев переходит в своём утверждении от логики значения к логике смысла как *едиственно истинной* логике живого бытия.

Обратим внимание на то, что Лосев здесь акцентирует внимание именно на логике смысла в её *противопоставлении* логике значения и выражения, т. е. сфере *логики герменевтической*, которой в России в 1920-х гг. занимался, прежде всего, Г. Г. Шпет. Герменевтическая логика видится как особая логика, учитывающая «онтологическое содержание при проведении исследования аналитических процедур мышления» [26, с. 287]. Она стремится стать логикой гуманитарных наук. Герменевтическая логика, что является её главной отличительной чертой, строится на особой трактовке «единичного как элементарного компонента гипотетико-герменевтической предметной формы...» [26, с. 292]. В целом, герменевтическая логика базируется на принципах логики единичного объёма, на чём строилась теория личности Вл. Соловьёва и всех его последователей [10].

Итак, ещё больше живой *бытийственности*, «стихии становления мышления» [15, с. 81] мы находим в описании генетически-смыслового метода. Интерес Лосева с очевидностью располагается в области бесконечно-малых и возможности их исчисления и «бесконечного ассимптотического (орфография автора (комментарий наш. – Ю. К.) прогресса» [15, с. 80]. Лосев убеждён в необходимости исследования именно *динамических*, становящихся, изменчивых, подвижных сторон мышления. Только таким образом, полагал философ, мы сможем исследовать понятие в его

максимальной полноте, и только так можем уяснить для себя смыслово-генетическую природу мышления, основываясь на «принципе ряда» (состоящего из понятий) [15, с. 81]. Слияние понятий в пределе в «*единый поток*» [15, с. 81] и есть, судя по всему, диалектический момент в системе логики, позволяющий ей преодолеть себя уже в диалектике как в *теории потока*.

Четвёртой отдельной главой идёт в статье Лосева разбор логики математической. В «Итогах критического обзора методов» при перечислении автором пяти основных логических методов математическая логика стоит, тем не менее, на первом месте. Вообще, Лосев посвящает значительное количество своих исследований именно логическому преобразованию математического знания в связи с последними достижениями в этой области, с прорывом в области исчислений бесконечно малых и в связи с созданием теории множеств – открытием, имевшим не только научное, но философское – онтогносеологическое – значение. В разбираемом нами проспекте статьи, который сам автор называет «предварительными и конспективными замечаниями» [15, с. 83], Лосев задаётся вопросом об *особом изоморфизме* логики и математики и о возможности привести эти две области мышления к общему знаменателю. В довольно сжатом, недетализированном виде подаёт автор здесь свои идеи относительно возможности вышесказанного в связи с тем, что эти обе области есть области «порождения чистым мышлением». И мы в состоянии, таким образом, установить, как считает Лосев, «мост» между ними с целью их взаимного освещения и последующего уяснения. Стратегии самого уяснения здесь, к сожалению, не предлагается. Параграф о математической логике написан автором бегло, абрисно. Лосев не фокусируется непосредственно на вопросах перевода логики в математику и обратно, проводимого на традиционно понимаемых логических основаниях.

А. Ф. Лосев и история создания первого «советского» учебника по формальной логике

По всей видимости, причиной столь беглого (меньше, чем на одну страницу) рассмотрения вопросов математической логики как особой формы логического явилось довольно повсеместное и довольно основательное освещение этих вопросов Э. Я. Кольманом, авторитетным философ-диалектиком, автором «Учебника логики» 1942 г.¹, написанного, тем не менее, в некоторых своих главах тенденциозно и даже поверхностно (по мнению Лосева, составившего отзыв на этот труд² в рамках широкого обсуждения учебника силами учёного сообщества тех лет).

Аналогичное мнение относительно учебника высказал также известный историк советской логики, доктор философских наук Б. В. Бирюков. Так, Бирюков отмечает, что Кольман – «философ-математик, которому была известна интуиционистская критика закона исключённого третьего, должен был бы записывать этот закон в виде $A \vee \neg A$, или A или не- A . Но автор почему-то остался при традиционной форме: A есть или B , или не- B , утверждая, при этом, что данный закон можно “выразить короче так: две противоречащие друг другу мысли не могут быть обе ложными”» [11, с. 14], т. е. в виде $\neg (A \& \neg A)$. Бирюков также отмечает, что «очень сбивчивыми были рассуждения Кольмана, когда он говорил о “символическом методе” в логике и обвинял сторонников символической или математической логики (называемой им также логистикой) в “полном отрыве от действительности”» [11, с. 134], [4, с. 125]. Кольман считал формальную логику лишь элементарной ступенью логической науки, которая имела

вспомогательное, подчинённое положение относительно логики в широком смысле, т. е. диалектики [4, с. 126; 12].

Надо сказать, что вышеуказанный учебник³ (и его последующее детальное обсуждение академическим сообществом страны) примечателен как документ, свидетельствующий о противоборстве различных мнений и точек зрения относительно, как это видится с наших сегодняшних исследовательских позиций, базовых понятий и концептов формальной логики. Имела место борьба вчерашних приверженцев диалектики с формальной логикой как со своим классовым врагом (в ту пору формальная логика была объявлена, как известно, пережитком буржуазности) [7]. Имело также место отчаянное сражение «с собой» в процессе написания (по личному указанию Сталина) учебников по формальной логике. В процессе этой внутренней борьбы (как, например, у Э. Кольмана, пытавшегося «протащить» диалектику в объяснительные схемы формально-логических законов и терпящего на этом поприще неудачу) обнажилось и идейное противоборство различных учёных относительно возможностей формальной логики для обеспечения объективности в процессе отражения действительности (ленинская теория отражения), а также касательно более фундаментальных вопросов философско-математической природы, например, понятия числа. В этом вопросе Лосев занимал отчётливо идеалистическую позицию, о чём высказывался прямо [3, с. 136], в том числе, в отзыве об учебнике Кольмана⁴.

¹ Абсолютный раритет – экземпляр № 75 этого учебника, опубликованного на правах рукописи тиражом в 100 экземпляров (с пометами Лосева на полях), – был любезно предоставлен автору данной статьи для работы Исследовательским домом-библиотекой А. Ф. Лосева, лично В. П. Троицким.

² Лосев А. Ф. Отзыв на «Учебник логики» Э. Кольмана от 4.12.1942 [Электронный ресурс]. URL: https://iphlib.ru/library/collection/arch/document/158-158_item (дата обращения: 26.05.2024).

³ Точнее сказать, учебники, поскольку учебник логики было поручено написать также В. Ф. Асмусу [2]. Книгу Валентина Фердинандовича ждала на родине более завидная судьба. Она получила высокую оценку коллег и после многочисленных переработок и улучшений была издана в 1947 г. в Москве (при активном содействии А. А. Чудова). Учебник Э. Я. Кольмана большим тиражом в СССР издан не был, но автору удалось напечатать его у себя на родине в Праге на чешском языке в 1947 году (см. библиографию статьи) [22; 27].

⁴ Открытая приверженность Лосева идеалистическим позициям относительно, казалось бы, далёких от идеологии вопросов философии числа оказалась

Тем не менее, судя по тексту анализируемой нами статьи, Лосев разделяет точку зрения Кольмана относительно *статуса* диалектического метода в рамках методологии науки в целом, подчёркивая в параграфе «Математическая логика», что «для нас имеет значение только *диалектическая логика*» [15, с. 84]. Алексей Федорович настойчиво предлагает не ограничивать себя на пути к истинному логическому знанию рамками «традиционной логики»¹. «Мы не скажем, – призывает философ, – вместе со всеми математиками, что, например, учение о множествах упирается в безвыходные противоречия, так называемые парадоксы. Это не парадоксы, а самое обыкновенное диалектическое противоречие... Математическая логика должна быть тоже моментом обще-диалектической логики...» [15, с. 84]. Истинная математическая логика, строящаяся на принципах диалектики, способна к истинному познанию сложных математических объектов иной – небинарной – не-формальнологической – *природы*, к которым А. Ф. Лосев относил, в частности, теорию множеств.

**Н. Н. Лузин (теория множеств),
П. А. Флоренский (мнимости в
геометрии), А. Ф. Лосев (о методе
бесконечно малых в логике), и
личностное бытие**

Вышеприведённые аргументы, а также факты исторического плана являются, на наш взгляд, лишь официальной «верхушкой айсберга» истинного положения дел. В ситуации «идеологического оксюморона» в науке, связанного в тот период с вопросами формальной vs диалектической типами логик, проводил («между Сциллой и Харибдой») А. Ф. Лосев свои специальные исследования, о которых говорится специально В. П. Троицким (именно, о работе Лосева «О методе бесконечно малых в логике») [22, с. 55]. Объектом нашего даль-

нейшего исследования, в связи со всем вышесказанным, станет предыстория вопроса, а именно история создания теории множеств, авторство которого в рамках работы знаменитой Московской математической школы («Лузитании») принадлежит замечательному математику, философу, члену-корреспонденту Академии наук СССР (по философии) Н. Н. Лузину. Предметом нашего исследования является здесь, соответственно, именно *философское* наполнение его трудов, в их корреляции с идеями *имманентности* в русской философии, в частности, в трудах П. А. Флоренского, (друга Лузина по студенческим временам, проведённым в МГУ), а также А. Ф. Лосева².

В период сотворения вышеуказанных теорий, в исторический период обнуления / оборачивания времён в своё другое, стремление заглянуть в *невозможное* трансцендентное из *своего* трансцендентального заставляло мыслителей искать и находить ту единственно возможную в тот момент точку разрыва преемственности, конца (прежних) времён и лишь *кажущейся непрерывности* в личности / бытии как таковом.

Математические прообразы онтогносеологии личностного бытия мы находим в теории множеств, комбинаторике, диалектическом понимании детерминанта и философской природы математической матрицы. Возможность и особенности корреляции обеих областей научного знания (философии и математики) лежат в плоскости рецепции *понятия множества как философской математической категории*. Теория множеств математика Г. Кантора³ впервые положила в основание математического знания философский принцип организации её знания, открыв возможность использования философской оптики для разрешения предельных оснований прикладных величин математики, но также и

фатальной. Лосев был отстранён от работы в МГУ по идейным соображениям.

¹ Термин «логистика» в этом же значении употреблялся и Кольманом.

² Необходимо подчеркнуть, что в данном случае математические объекты и понятия, их обозначающие, мы берём в их максимально абстрактном инварианте, не имеющем целью выход в конкретные области их применения.

³ Георг Кантор, как известно, родился в Санкт-Петербурге и лишь подростком переехал с родителями в Германию по причине болезни отца.

возможность взаимобратного процесса приложения математических философских понятий для решения некоторых задач сугубо философской направленности [18].

Подобного рода вопросы, стоявшие, в широком смысле, перед философией 1920–1930-х гг., были продолжением тематического ряда проблем *аритмологии* (к этому ряду относились вопросы теории прерывистых функций и множеств – основные научные интересы Московской философско-математической школы под руководством Н. В. Бугаева), мнимостей в геометрии (проблемы, связанные с вопросами перевода геометрических реалий на язык организации живописного пространства и связанного с ней матричного объёма (П. А. Флоренский в работах «Столп и утверждение истины» и «Мнимости в геометрии» (1922)), а также вопросов математического и философского континуума в трудах А. П. Лосева (например, в «Диалектике числа у Платона» (1926), а также в работе «Диалектические основы математики»)).

Развивая философское направление математического знания о разрывных функциях и монадологии Бугаева, «русские (как считал польский профессор Е. Медушевский. – комментарий наш. – Ю. К.) через математику пытаются объяснить мировоззрение, а через мировоззрение решать математические проблемы (см., например, введение в диссертационную работу П. А. Флоренского по математике под названием «Идея прерывности как элемент мирозерцания» [24, с. 159–177]). Философский подход и послужил фактором успешного развития теории множеств и теории функций в Московском университете в три первых десятилетия XX в. [19, с. 446–447].

Вопрос возможного перевода математической категории множества на философский язык не носит, впрочем, как и многие фундаментальные идеи философского творчества тех лет, характера *явленной теоретической определённости*. В силу данного обстоятельства мы позволим себе обратиться к наиболее продуктивным для данного случая формам историко-философского познания,

а именно к дешифровке текстов неявленной семантической полноты.

В задачу, которую мы ставим в данной статье, входит демонстрация *функционала философского принципа личностности* в его архитектурном, алгоритмическом масштабе, в его применении к философским сферам *дискретного* математического знания, а именно в теории множеств, разработанной московской математической школой под руководством Н. Н. Лузина («Лузитанией»). С целью рассмотрения принципиальной парадигмальной, методологической чистоты данного принципа, *Личность берётся нами здесь не столько как онтогносеологический философский, но шире, как общепарадигмальный принцип организации нового научного знания*¹. Существенными признаками, определяющими качество данного методологического принципа, являются основания логики единичного объёма, элементы действенного направленного воления, творческой самоорганизации и принципиально именованной единичности (так, в конце 1920-х гг. П. Флоренский писал об изображённых (образных) числах как об «индивидуальностях») [25, с. 632–646].

Вопрос применимости данного принципа к математическим объектам остаётся до определённой степени открытым и, безусловно, носит лишь характер *интерпретации* объектов одной полноты в инаковой предметной среде. Тем не менее, представляется, что в тот момент, когда математика из прикладной превратилась в абстрактную науку со своими лишь до определённой степени конкретизируемыми понятиями принципиально неприкладного характера, мы можем говорить о рядоположенности данных объектов предельной понятийной полноты (таких, как функция,

¹ Яростным критиком идей школы и лично Лузина выступил уже упоминавшийся нами Кольман, подчёркивавший, что «Московская математическая школа» ... проповедовала, будто «арифмология» (Кольман здесь иронизирует над «аритмологией» – теорией разрывных функций, в широком значении, мета-идея прерывности у Н. В. Бугаева – комментарий мой, – Ю. К.) обосновывает индивидуализм...» [11, с. 290].

множество) философским объектам изоморфных свойств.

Важным фактом является в связи с этим то, как П. А. Флоренский высказывался о сущности монадологии Лейбница. Флоренский подчёркивал формальный характер сущностного лейбнизианского определения личности, перевода философского дискурса на заданную тему в плоскость математической теории групп. В упомянутом нами выше в связи с вопросами диалектики и логики фундаментальном труде А. Ф. Лосева «Диалектические основы математики» автор также стремится, применяя логику единичного объёма, подчеркнуть особенность конципирования понятия группы, определяя его через понятие *композиции*, которая «играет роль перво-принципа в определении понятия группы» [14, с. 732]. *Квантованное* определение группы, по Лосеву, диалектически «освещает сразу бытие, и становление в самом понятии группы» [14, с. 733].

Используя математические объекты, такие, как детерминант и матрица, Лосев строит свою диалектическую математику «выразительной формы», базируясь на диалектико-феноменологическом понимании сущности, которое проявляется в матрице как в *становлении становления* и образно проявляет себя в объёмности. Здесь матрица, являясь закономерно целым, становится, вместе с тем и *феноменом*, в котором каждое отдельное число существует не просто принципиально, но во всей своей «фактической индивидуальности» [14, с. 715]. Все свойства матрицы, таким образом, связаны именно с индивидуальным значением каждого её элемента» [14, с. 715].

В поле философских рассуждений о математических и геометрических «реалиях» располагается принцип *преобразования образа*. В диалектической транскрипции, по Лосеву, если раньше (до применения философского диалектического подхода к вопросу) (геометрический) образ был фактически неизменен, то в диалектической системе координат эта неизменность становится диалектически утверждённой. Момент неизменности преобразуется,

таким образом, из «неподвижного в себе» в «неподвижного в себе и для себя» [14, с. 717], что стало возможным потому, что он предварительно оказался неподвижным (сущностным. – Ю. К.) для иного (другого. – Ю. К.)» [14, с. 717].

Данные математические рассуждения П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева являются *экспликацией той главной составляющей методологического аппарата логики единичного объёма (и связанной с этим философии имени), применяемого для глубинного семитического обоснования теории личности как особого типа множественности, единораздельных элементов личностного бытия, самого бытия, понятого как личностность*. «Сущностно-теоретической опорой имяславия стало учение Г. Кантора и его современных последователей о “множествах”, в которых можно найти в высшей степени интересные конструкции таких понятий, как “актуальная бесконечность”, “мощность”, “тип” множества, а также ряд так называемых “парадоксов”. Будучи приложенным к имяславию, всё это даст ясный образ логической структуры имени в его бесконечном и конечном функционировании»¹.

В связи со всем вышесказанным представляется, что историко-философской науке необходимо более детально исследовать «связь имяславия (как особого инварианта русской религиозной философии личности. – Ю. К.) и развития дескриптивной теории множеств в Москве» [19, с. 446–447].

Здесь необходимо также обратиться ещё к одному предполагаемому источнику лосевских логических штудий, о котором Лосев в явленной форме (по понятным идеологическим причинам) не упоминает, но о котором, тем не менее, не знать не мог. Речь идёт о воображаемой логике Н. А. Васильева, чья прогностическая, эвристически революционная работа была опубликована в журнале «Логос» за 1912–1913 гг., и в ней особенно интересны такие новаторские элементы, как «истолкование квантора “некоторые” как “только неко-

¹ Lebesgue H. Preface // Lusin N. Leçons sur les ensembles analytiques et leur applications. Paris: Gauthiers – Villars, 1930. P. VII–XI.

торые» и введение, наряду с логическим квадратом, логического треугольника» [19, с. 446–447]. «В настоящей статье, – пишет без преамбул Васильев, – мы поставили себе целью разобраться в вопросе о неизменности и абсолютности логических принципов и основных законов мышления и показать, что одни из них действительно неизменны, неустранимы и абсолютны (формальные, рациональные принципы логики), другие же (напр., закон противоречия) относительны, устранимы из логики, материальны и эмпиричны» [5, с. 54]. Судя по логике исследования, у Н. А. Васильева закон исключённого третьего, напрямую связанный с отрицанием, и есть Закон с большой буквы (т.е. его эмпирическое правовое применение, в том числе). Незыблемость *работы* закона, основанного на невозможности его вариативной трактовки, имеет в своём основании необходимость следовать аристотелевской парадигме формализованного – по силлогистическому основанию – логического знания. Закон же, исходя из выводов Н. А. Васильева, сделанных им в его работе «Логика и металогика» [5], не обязательно работает по Аристотелевской логике исключённого третьего. В плоскости логических исследований задача, таким образом, состоит в том, чтобы работать со смыслами значений, с «истинностными провалами» и пресыщенными оценками [16], тогда как Аристотель работал со значениями смыслов и превратил их в универсализмы. В иных, условно, *незападных*, [20; 21] культурах, о чём, в частности, пишет академик РАН А. В. Смирнов, возможны варианты иного соподчинения понятий, основанного на законе *исключённого четвёртого*, в толкование которого имплицитно включается логическая возможность трактовки *амбивалентности* истины.

Кстати, в современном научном мире это направление или форма мышления получила своё окаймление и приложение в таких теориях искусственного интеллекта, как умные «контакты» (smart contacts) и *квантованное мышление*, которые демонстрирует в своих работах известный учёный, юрист, а также специалист в обла-

сти искусственного интеллекта, кибербезопасности, криптографии Ник Сабо (Nick Szabo), который под квантовым мышлением как раз понимание логику его построения по формату, близкому законам воображаемой логики Н. А. Васильева, предлагая уже в XXI в. видеть проблему со всех возможных и, прежде всего, противоречивых сторон, удерживая в голове одновременно возможную истину обеих, выходя за рамки силлогизма «истинно / ложно».

Квантованное мышление свободно от деспотического диктата закона исключённого третьего. Оно предполагает свободу от собственного права на истину в последней инстанции, полагая категорическое требование как раз гибкого подхода к понятию истины. Извлечение творческого потенциала из *неопределённости* позволяет по-иному подходить к решению гипермасштабных задач в процессе принятия дифференцированных решений.

Ещё один известный физик-теоретик и популяризатор науки профессор Митио Каку в своих книгах [8; 9], в частности, говорит о том, что бинарность есть логика функционирования компьютерной сферы, но не природы. Природа имеет другую логику собственного функционирования – «квантовый разум». На философском языке это, прежде всего, означает отказ от рационализма и дуальности в самой методике философского познания, в подложке философской и, шире, общенаучной, картины мира, разлагающей мир на бытие и мышления и противопоставляющей одно другому в акте познания [17]. Мир есть Одно, и здесь необходимы небинарные оптические инструменты познания, адекватные миру как единому, как целому.

Заключение

Идеи, предложенные в статье А. Ф. Лосева о логических методах, имеют, таким образом, глубокую предысторию в отечественной истории развития логических идей. Представляется, что Лосев намерено не поместил в данный материал результаты своих исследований из области диалектики,

поскольку она для него как раз и выражала собой способ эвристического *совладания* с потоком, с движением, с «временем как таковым», с «абсолютной действительностью», с «чистым становлением», с «прекрасной неопределённостью», со «стихией становления мышления», являя «динамические, становящиеся, изменчивые, подвижные стороны мышления, то есть *генетически смысловую* структуру (мышления – уточнение наше. – Ю. К.) [15, с. 65, 79–81]. Не умаляя значения формальной логики для решения целого

ряда важных научных задач, философ настаивает на том, что лишь диалектика способна совладать со всеми аспектами бытия, с которым, по его мнению, не смогла бы совладать ни одна из методических систем познания действительности, обозначенных в его статье. Время показало актуальность этого взгляда на современном этапе развития науки логики.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисов А. М., Малюкова О. В., Демина Л. А. Становление отечественной логики: дискурсы и судьбы. М.: РГ-Пресс, 2021. 672 с.
2. Асмус В. Ф. Логика. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. 388 с.
3. Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Кн. 1: Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М.: КомКнига, 2019. 244 с.
4. Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Отечественные логика, история и философия в последние сталинские годы. Ч. 2.: Идеологические кампании 1948–1950 годов. Логическое и психологическое. Богоборческая советская философия. Проблемы русского национального сознания. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009. 192 с.
5. Васильев Н. А. Логика и металогики // Логос. 1912–1913 гг. Кн. 1 и 2. М.: Мусарет, 1913. С. 53–81.
6. Гоготшвили Л. А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
7. Дицген И. Письма о логике. Специально-демократически-пролетарская логика / под ред. П. Г. Дауге. 4-е изд. М.: КД «Либроком», 2010. 144 с.
8. Каку М. Гиперпространство. Научная одиссея через параллельные миры, дыры во времени и десятое измерение / пер. У. В. Сапциной. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 660 с.
9. Каку М. Физика невозможного / пер. Н. Лисовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 586 с.
10. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист-МАКСИМУМ, 2018. 416 с.
11. Кольман Э. Учебник логики. М.: ОГИЗ: Госполитиздат. 1942. 175 с.
12. Кольман Э. Я. Предмет и метод современной математики. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 315 с.
13. Корсаков С. Н. Из истории возрождения логики в СССР в 1941–1946 гг. Часть I // Логические исследования. 2015. Т. 21. № 2. С. 145–169.
14. Лосев А. Ф. Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. 800 с.
15. Лосев А. Ф. Методы современной логики // Русская философия. 2023. № 2 (6). С. 59–85.
16. Мотрошилова Н. В. «Воображаемая логика» Н. А. Васильева и вклад В. А. Смирнова в её исследование // Философия науки. 1998. № 4. С. 192–201.
17. Рубинштейн С. Л. Исследование проблемы метода (диссертация на соискание степени доктора философских наук. 1914 год. Университет г. Марбурга. Германия) / пер. Л. С. Киржнера // Трансцендентальный журнал. 2021. Т. 2. Вып. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://transcendental.su/S271326680018222-4-1> (дата обращения: 26.05.2024). DOI: 10.18254/S271326680018222-4
18. Седых О. М. Роль математики в теории культуры П. А. Флоренского // Человек – культура – общество. Актуальные проблемы философских, политологических и религиозных исследований. Т. 2. М.: Современные тетради, 2002. С. 273–276.
19. Синкевич Г. И. Московские математики и философы первой трети XX века: дескриптивная теория множеств и проблема именования // Генеалогия ценностей в русской философии Серебряного века: сборник научных трудов / под ред. М. И. Панфиловой, Е. А. Трофимовой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2013. С. 444–456.
20. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: Сандра; ЯСК, 2019. 216 с.

21. Смирнов А. В., Солондаев В. К. Процессуальная логика. М.: Сандра, 2019. 150 с.
22. Троицкий В. П. К оценке А. Ф. Лосевым методов логики // Русская философия. 2023. № 2 (6). С. 55–58.
23. Феномен затекста: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Снигиревой, А. В. Подчиненова. Екатеринбург: Уральский университет; СПб.: Алетейя, 2023. 532 с.
24. Флоренский П. А. Введение к диссертации «Идея прерывности как элемент мирозерцания» (1900–1903) / публ., прим. С. С. Демидова, А. Н. Паршина // Историко-математические исследования. Вып. XXX. М.: Наука, 1986. С. 159–177.
25. Флоренский П. А. Пифагоровы числа // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 632–646.
26. Юркевич Е. Н. Характеристики объёма в герменевтической логике // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2011. Т. 24 (63). № 1. С. 287–294.
27. Kolman E. Logika. Praha: [б.и.], 1947. 184 с.

REFERENCES

1. Anisov A. M., Malyukova O. V., Demina L. A. *Stanovlenie otechestvennoj logiki: diskursy i sud'by* [Formation of Domestic Logic: Discourses and Fates]. Moscow, RG-Press Publ., 2021. 672 p.
2. Asmus V. F. *Logika* [Logics]. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1947. 388 p.
3. Biryukov B. V. *Trudnye vremena filosofii. Kn. 1: Otechestvennaya istoricheskaya, filosofskaya i logicheskaya mysl' v predvoennyye, voennyye i pervyye poslevoennyye gody* [Hard Times for Philosophy. V. 1: Domestic Historical, Philosophical, and Logical Thought in the Prewar, War, and First Postwar Years]. Moscow, KomKniga Publ., 2019. 244 p.
4. Biryukov B. V. *Trudnye vremena filosofii. Otechestvennyye logika, istoriya i filosofiya v poslednie stalinskie gody. Ch. 2.: Ideologicheskie kampanii 1948–1950 godov. Logicheskoe i psichologicheskoe. Bogoborcheskaya sovetskaya filosofiya. Problemy russkogo nacional'nogo soznaniya* [Hard Times for Philosophy. Domestic Logic, History, and Philosophy in the Last Stalin Years. Part 2: Ideological Campaigns of the 1948–1950s. Logical and Psychological. God-fighting Soviet Philosophy. Problems of Russian National Consciousness]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 192 p.
5. Vasil'ev N. A. [Logic and Metalogic]. In: *Logos. 1912–1913 gg. Kn. 1 i 2* [Logos. 1912–1913. Book 1 and 2]. Moscow, Musaget Publ., 1913, pp. 53–81.
6. Gogotishvili L. A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect Speaking]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 720 p.
7. Dietzgen J. Letters on Logic. Especially Democratic-Proletarian Logic (Rus. ed.: Dauge P. G., ed. *Pis'ma o logike. Special'no-demokraticheski-proletarskaya logika*. Moscow, Librokom Publ., 2010. 144 p.).
8. Kaku M. *Hyperspace: A Scientific Odyssey through Parallel Universes, Time Warps, and the Tenth Dimension* (Rus. ed.: Sapcina U. V., transl. *Giperprostranstvo. Nauchnaya odisseya cherez parallel'nye miry, dyry vo vremeni i desyatoe izmerenie*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2024. 660 p.).
9. Kaku M. *Physics of the Impossible: A Scientific Exploration into the World of Phasers, Force Fields, Teleportation, and Time Travel* (Rus. ed.: Lisova N., transl. *Fizika nevozmozhnogo*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2024. 586 p.).
10. Kolesnichenko Yu. V. *Lichnost' v russkoj filosofii 1920–1930-h godov: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy of the 1920–1930s: Biography of an Idea]. Moscow, Enciklopedist-MAKSIMUM Publ., 2018. 416 p.
11. Kol'man E. *Uchebnyy logiki* [Textbook of Logic]. Moscow, OGIZ Publ., Gospolitizdat Publ., 1942. 175 p.
12. Kol'man E. Ya. *Predmet i metod sovremennoj matematiki* [Subject and Method of Modern Mathematics]. Moscow, State Socio-Economic Publ., 1936. 315 p.
13. Korsakov S. N. [From the History of the Revival of Logic in the USSR in 1941–1946. Part I]. In: *Logicheskie issledovaniya* [Logical Studies], 2015, vol. 21, no. 2, pp. 145–169.
14. Losev A. F. *Dialekticheskie osnovy matematiki* [Dialectical Foundations of Mathematics]. Moscow, Academia Publ., 2013. 800 p.
15. Losev A. F. [Methods of Modern Logic]. In: *Russkaya filosofiya* [Russian Philosophy], 2023, no. 2 (6), pp. 59–85.
16. Motroshilova N. V. ["Imaginary Logic" by N. A. Vasiliev and the Contribution of V. A. Smirnov to Its Research]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 1998, no. 4, pp. 192–201.

17. Rubinshtein S. L. [Study of the Problem of Method (dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. 1914. University of Marburg. Germany)]. In: *Transcendental'nyj zhurnal* [Transcendental Journal], 2021, vol. 2, iss. 3. Available at: <https://transcendental.su/S271326680018222-4-1> (accessed: 26.05.2024). DOI: 10.18254/S271326680018222-4
18. Sedyh O. M. [The Role of Mathematics in P. A. Florensky's Theory of Culture]. In: *Chelovek – kul'tura – obshchestvo. Aktual'nye problemy filosofskih, politologicheskikh i religiovedcheskikh issledovanij. T. 2* [Man – Culture – Society. Actual Problems of Philosophical, Political and Religious Studies. Vol. 2]. Moscow, Sovremennye tetrady Publ., 2002, pp. 273–276.
19. Sinkevich G. I. [Moscow Mathematicians and Philosophers of the First Third of the 20th Century: Descriptive Set Theory and the Problem of Naming]. In: *Genealogiya cennostej v russkoj filosofii Serebryanogo veka: sbornik nauchnykh trudov* [Genealogy of Values in Russian Philosophy of the Silver Age: Collection of Scientific Papers]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2013, pp. 444–456.
20. Smirnov A. V. *Vsechlovecheskoe vs obshchechlovecheskoe* [Panhuman vs Universal]. Moscow, Sandra Publ., YASK Publ., 2019. 216 p.
21. Smirnov A. V., Solondaev V. K. *Processual'naya logika* [Procedural Logic]. Moscow, Sandra Publ., 2019. 150 p.
22. Troicky V. P. [On A. F. Losev's Assessment of Logical Methods]. In: *Russkaya filosofiya* [Russian Philosophy], 2023, no. 2 (6), pp. 55–58.
23. Snigireva T. A., Podchinenov A. V., eds. *Fenomen zateksta* [The Phenomenon of the Behind the Text]. Ekaterinburg, Ural University Publ., St. Petersburg, Publ., Aletejya Publ., 2023. 532 p.
24. Florensky P. A. [Introduction to the Dissertation “The Idea of Discontinuity as an Element of Worldview” (1900–1903)]. In: *Istoriko-matematicheskie issledovaniya. Vyp. XXX* [Historical and Mathematical Research. Issue XXX]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 159–177.
25. Florensky P. A. [Pythagorean Numbers]. In: Florensky P. A. *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, pp. 632–646.
26. Yurkevich E. N. [Characteristics of Volume in Hermeneutic Logic]. In: *Uchyonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sociologiya* [Scientific Notes of the Tauride National University. V. I. Vernadsky. Series: Philosophy. Culturology. Political science. Sociology], 2011, vol. 24 (63), no. 1, pp. 287–294.
27. Kolman E. *Logika*. Praha, 1947. 184 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education;
e-mail: julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю. В. Лосев: логика и/или диалектика. Прерывистость числовых множеств как форма выражения личностного бытия: Лосев, Лузин, Флоренский // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 17–29.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-17-29

FOR CITATION

Kolesnichenko Yu. V. Losev: Logic and/or Dialectics. Discontinuity of Numerical Sets as a Form of Expression of Personal Being: Losev, Luzin, Florensky. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 17–29.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-17-29